

Профессоръ Московской Духовной Академіи П. С. Казанскій и его переписка съ архіепископомъ Костромскимъ Платономъ.

Профессоръ Московской Духовной Академіи П. С. Казанскій († 14 Февраля 1878 года) принадлежалъ къ той плеядѣ ученыхъ Академіи, которая славна именами Голубинскаго, Делицина, Горскаго, Кудрявцева и др. Имена эти останутся навсегда памятными въ исторіи нашего духовнаго просвѣщенія. Эти замѣчательные представители духовной школы были яркими выразителями одного духа, господствовавшаго среди ученыхъ Академіи и объединявшаго ихъ въ дружескую семью. Это былъ духъ ученаго подвижничества. Соединяя съ основательнымъ и всестороннимъ образованіемъ и широтою просвѣщенной мысли живое сердечное религіозно-нравственное чувство и горячую преданность православной наукѣ и церкви, славные ученые Академіи являлись истинными аскетами въ своей научной дѣятельности и, въ той или другой степени, и въ своей личной жизни. Этотъ духъ аскетизма составлялъ типичную черту въ П. С. Казанскомъ. Онъ былъ ученый подвижникъ, монахъ по духу и жизни, не принявшій монашескаго постриженія, чтобы сохранить за собою свободу всецѣло посвятить себя научной дѣятельности и житейскому попеченію о своихъ присныхъ. Духъ аскетизма въ Петрѣ Симоновичѣ сочетался съ особенною чуткостію ко всѣмъ явленіямъ современной, преимущественно церковной жизни. Памятникомъ живаго интереса Петра Симоновича къ современной дѣйствительности осталась его обширная переписка съ роднымъ братомъ, преосвященнымъ архіепископомъ Костромскимъ Платономъ. Письма П. С.—ча

представляютъ очень интересную страницу изъ исторіи нашего прошлаго освободительной эпохи, когда для общественной жизни открылся особенно широкій просторъ. Въ письмахъ П. С—ча живо рисуется наша церковная жизнь съ ея современными интересами, толками, предположеніями, ходившими въ обществѣ. Письма эти могутъ представлять интересъ и въ томъ отношеніи, что знакомятъ насъ съ воззрѣніями П. С—ча, которые были новы и оригинальны не только для своего времени, но думаемъ, не потеряли своей значительности и для настоящаго времени.

Въ качествѣ предисловія къ письмамъ П. С—ча помѣщаемъ его біографическій очеркъ, составленный на основаніи его автобіографическихъ записокъ, свѣдѣній о немъ людей, близко его знавшихъ и своихъ личныхъ воспоминаній.

I.

Петръ Симоновичъ Казанскій родился 19 Ноября 1819 года въ селѣ Сидоровскомъ, Звенигородскаго уѣзда. Отецъ его Симонъ Ивановичъ Лосевъ ¹⁾, женатый на дочери священника Воздвиженскаго Матроны Лукьяновны, былъ священникомъ въ селѣ Сидоровскомъ. У Лосевыхъ было четыре сына и три дочери. Два сына Александръ ²⁾ и Павелъ ³⁾ и сестра Екатерина ⁴⁾ была старше П. С—ча, а сестра Анна и братъ Михаилъ ⁵⁾ родились послѣ него. Отецъ Лосевъ былъ человекъ болѣзненный и поэтому самъ мало занимался воспитаніемъ дѣтей. Дѣти воспитывались подъ надзоромъ матери, женщины строгой и благочестивой, но съ любящимъ сердцемъ. Сама воспитанная въ строгихъ правилахъ благочестія М. Лукьяновна строго требовала и отъ своихъ дѣтей исполненія христіанскихъ обязанностей. Первыя сѣмена благочестиваго настроенія, которое отличало П. С—ча, по-

¹⁾ П. Симоновичу и его братьямъ по тогдашнему обычаю была переименована родовая фамилія.

²⁾ А. С. Невскій, бывший наставникомъ въ Вианской, а потомъ въ Московской семинаріи, скончался въ 1848 г. священникомъ въ Набилковской богадѣльнѣ.

³⁾ Впослѣдствіи архіепископъ Костромской Платонъ.

⁴⁾ Е. С. Горская скончалась въ 1876 г.

⁵⁾ Протоіерей М. Боголюбскій, скончавшійся въ 1902 г.

сѣяла въ немъ мать. До пятилѣтняго возраста П. С—чъ прожилъ въ селѣ Сидоровскомъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ такъ описываетъ свою родину и свои первыя дѣтскія впечатлѣнія. „Едва помню я то село, гдѣ родился я. Въ какомъ то смутномъ воспоминаніи предстоить у меня въ воображеніи старинная церковь съ маленькими окнами, съ низкой колокольной. Подлѣ самой церкви, отъ востока къ западу, сходила внизъ къ рѣчкѣ дорога. Тамъ на полу-горѣ помню колодезь и рядъ деревенскихъ домовъ по горѣ. обращенныхъ къ востоку. Однообразная жизнь сельская оживлялась только ярмаркою 18 іюня. Въ это время съѣзжалось къ намъ много гостей. Помню, что съ четырехъ лѣтъ меня начали учить читать и пяти лѣтъ я читывалъ изъ четырехъ Евангелистовъ. Помню въ деревнѣ добрую Настасью, которая жила въ маленькой горенкѣ и плела узенькія тесмы; помню Юду портнаго, который сшилъ мнѣ одежду. Помню бурю, которая повалила у насъ сарай; помню сѣнокосъ, на который я выбѣгалъ съ грабельками и взлѣзалъ на стоги топтать сѣно. Помню добрую старушку Храмиху, которая нянчила меня; помню, какъ еще въ Егорьевъ день чуть-чуть не забодали меня коровы“.

Пятилѣтнимъ ребенкомъ П. С—чъ оставилъ свою родину. Съ этого времени началась для него новая жизнь. „Мнѣ было пять лѣтъ, пишетъ П. С—чъ, когда обстоятельства заставили моего отца оставить это село и переѣхать въ другое. Только переправа чрезъ рѣку на паромѣ и за рѣкой господскій садъ, обнесенный каменною стѣною, остались у меня въ памяти изъ этого переѣзда. Двухъ недѣль не прошло на новомъ мѣстѣ, мы и моя мать остались одни безъ собственныхъ средствъ содержанія съ семью дѣтьми. Младшему брату моему было три мѣсяца. Попечителемъ нашимъ остался добрый дядя ¹⁾. Мы пріѣхали въ Москву, и что то дико, что-то страшно мнѣ стало среди этой многолюдной столицы, среди этихъ многолюдныхъ зданій. Старый добрый знакомый нашего дома П. В. Головинъ ²⁾ далъ намъ пріютъ

¹⁾ Пресвященный Кириллъ, викарій Московскій, а впоследствии архіепископъ Каменецъ-Подольскій.

²⁾ Павелъ Васильевичъ Головинъ, женатый на Княжнѣ Гагариной, которая была подругой дѣтства матери П. С—ча.

безпріютнымъ. Помню и этотъ большой домъ, эту великолѣпную залу, которая казалось мнѣ такою большою. Часто возникаетъ предо мною и твой образъ добрый старецъ Головинъ. Всегда почти въ халатѣ, съ головою убѣленною сѣдинами, ты хлопоталъ и бѣгалъ самъ, тогда какъ многочисленная дворня тутъ же лежала и сидѣла, смотря какъ ты дѣлаешь то, что слѣдовало бы дѣлать имъ. Но гдѣ найдешь людей съ твоей простотой и добротой? Помню и тебя маленькая Катя, съ которой мы вмѣстѣ бѣгали въ садъ щипать ягоды, рвать яблоки и все тайкомъ, какъ будто бы запрещалъ кто брать ихъ. Я бѣгалъ въ простой бѣлой рубашечкѣ. Годами двумя ты была постарше меня. Лѣтъ чрезъ 18 я встрѣтилсл опять съ тобою. Мы встрѣтились какъ старые друзья, какъ старые знакомые и назвали другъ друга такъ, какъ звали въ дѣтствѣ. Скоро что-то болѣе, чѣмъ дѣтская дружба проглянула въ нашихъ отношеніяхъ. Но... мы разстались и для меня и для тебя были другія встрѣчи. Но и теперь, когда измученное сердце думаетъ о покоѣ, я рисую себѣ твой свѣтлый образъ и замолкаетъ на нѣсколько времени тревожное сердце.

„Разъ повезли меня къ дядѣ. Пугливо я смотрѣлъ на его комнаты въ старинномъ домѣ. Что ты такъ смотришь, сказалъ мнѣ дядя. Пора тебя отдавать въ училище. Смотри, учись хорошенько. Не боялся я школы, но мнѣ страшно было остаться въ Москвѣ. До сихъ поръ мнѣ тяжело бываетъ въ Москвѣ. Люблю священный Кремль. Люблю при видѣ твоихъ вѣковыхъ памятниковъ, бѣлокаменная, помечтать о минувшей судьбѣ Руси, о твоемъ высококомъ значеніи въ прошедшемъ Россіи. Сильно бьется сердце, когда увижу твои, Москва, золотыя маковки, увѣнчанныя крестами. Люблю съ благоговѣйнымъ чувствомъ молитвы повергаться предъ твоею святынею. Но тяжело бываетъ мнѣ, когда смотрю на этотъ приливъ и отливъ народа. Всѣ мнѣ чужіе, всѣ незнакомые; ни одного тутъ теплаго ко мнѣ сердца. Сколько величія тутъ, сколько богатства и только сильнѣе поражаетъ душу сознание своего ничтожества. Мнѣ всегда какъ то пріятнѣе было въ маленькомъ мѣстечкѣ смотрѣть на одинокіе огоньки, въ зимнюю пору свѣтящіеся въ каждомъ маленькомъ домикѣ. Меньше огня, но теплѣе сердца живущихъ въ нихъ. Меньше дома, но покойнѣе и довольнѣе

ихъ обитатели. Каждый домъ — это свой міръ, у него свои радости, свои скорби, немного нужды у нихъ, но нѣтъ имъ дѣла до другихъ. Можетъ быть потому грустно мнѣ всегда въ Москвѣ, что много грустныхъ потерь въ ней пришлось испытать. Одного за другимъ опускалъ я въ ней въ могилу близкихъ моихъ родныхъ, оставлявшихъ мнѣ одни только скорби и заботы. Или потому, что моя юность прошла въ тишинѣ сельскаго уединенія. Не болѣе трехъ мѣсяцевъ прожили мы въ Москвѣ и насъ повезли опять въ деревню. Какъ безпріютные и бездомные скитались мы, пока ладья жизни не выброситъ насъ куда нибудь. Мы поселились у Молчановой ¹⁾. Часто я бывалъ здѣсь и послѣ и всегда любовался прекраснымъ мѣстоположеніемъ этого сельца (Абрамцева близъ Хотькова). Домъ съ мезониномъ стоитъ на горѣ, по косогору прямо противъ террасы дома расположенъ англійскій садъ, влѣво садъ образуетъ паркъ и на цѣлую версту вьется по косогору дорожка, которая оканчивается бесѣдкою, устроенною на обрывѣ горы. Любилъ я тутъ сидѣть. Прямо за рѣкой былъ густой еловый лѣсъ. Что то мрачное витало надъ нимъ. Люблю я зимой вѣчно зеленыя сосны и ели; навѣрно отъ дѣтскихъ разсказовъ остался у меня доселѣ страхъ при видѣ густаго еловаго лѣса. Много скорбей вынесла добрая Молчанова. Овдовѣвъ невѣстою, ты провела жизнь свою болѣе въ деревнѣ. Тамъ ты сосредоточила всѣ свои воспоминанія; тамъ у тебя были долины юности, долины радости, долины скорби. Книги, молитва были твоимъ единственнымъ утѣшеніемъ. Живую свою натуру ты закрыла маской холодности. Но тебѣ я обязанъ первыми уроками знанія приличія свѣта. И какъ умно, какъ тонко ты учила, не давая замѣтить, что учишь. И теперь помню, бѣгая по дорожкамъ сада, усыпаннымъ пескомъ, я собиралъ его къ себѣ и перетаскивалъ на другое мѣсто. „Петруша, Петруша! оставь песокъ, онъ нуженъ для дорожки“. И песокъ оставлялся и рубашечка опускалась“.

Пяти лѣтъ П. С-чъ былъ отвезенъ въ Вианію, гдѣ въ семинаріи обучались его старшіе братья. П. С-ча помѣстили въ слободкѣ близъ семинаріи у одного своекоштнаго семи-

---

¹⁾ В. И. Молчанова была почитательница пр. Кирилла и по особенному расположенію къ нему дала пріютъ въ своемъ домѣ семьѣ Лосевыхъ.

нариста. Отсюда онъ ходилъ въ семинарію къ братьямъ учиться. Многое въ это время пришлось вытерпѣть ребенку. Самое скудное содержаніе, непосильные труды, частыя вразумленія побоями вредно отозвались на слабомъ организмѣ П. С-ча и были можетъ быть немаловажною причиною его послѣдующей болѣзненности. Старшіе братья воспитывали Петра по тогдашней методѣ сурово и часто прибѣгали къ стеганію розгами, какъ лучшей педагогической мѣрѣ. Почти каждый день ему приходилось быть высѣченнымъ. Семинаристъ, у котораго жилъ П. С-чъ, обходился съ нимъ жестоко и сѣкъ его за всякую провинность. Случалось, что его сѣкли два раза въ день—въ семинаріи братья, а дома семинаристъ. Чтобы избѣжать двукратнаго сѣченія Петръ часто отъ братьевъ не шелъ обѣдать домой, гдѣ его ожидало вразумленіе розгами отъ рукъ сожителя семинариста, а голодный просиживалъ гдѣ нибудь подъ кустомъ. Не малымъ затрудненіемъ для ребенка было ежедневное хожденіе въ семинарію. „Я пятилѣтній ребенокъ, пишетъ П. С-чъ, осенью увязалъ въ грязи, и не въ силахъ былъ вытаскать ноженокъ и останавливался и плакалъ, пока кто нибудь не вытаскивалъ меня“.

Изъ приведенныхъ нами дѣтскихъ воспоминаній П. С-ча видно, что онъ былъ мальчикъ впечатлительный, съ нѣжною, поэтически настроенною душею, но суровые толчки жизни еще съ дѣтства, рано закалили его характеръ, сообщили ему нѣкоторую суровость и желчность, которыя могли нѣсколько отталкивать отъ него людей мало его знавшихъ.

„Такъ я началъ учиться, пишетъ П. С-чъ въ своихъ автобіографическихъ запискахъ, и съ пяти до двадцати двухъ лѣтъ провелъ въ школахъ. Я былъ тихъ, учился порядочно, но въ первые годы часто подвергался наказаніямъ по своей простотѣ. Старшіе меня заставляли бывало сдѣлать или сказать какую нибудь глупость, какой я не понималъ, а меня наказывали. Для образованія нравственнаго характера моего важно было вліяніе одного добраго учителя¹⁾. Онъ возбудилъ во мнѣ любовь къ молитвѣ. Помню я, семилѣтній мальчикъ, по цѣлымъ часамъ станвалъ на колѣнахъ.

¹⁾ Студента Академіи, который приглашенъ былъ учить П. С-ча.

читая каноны и акаѣисты по молитвеннику. Часто дѣтскія слезы падали на молитвенникъ. По цѣлымъ днямъ, иногда просиживалъ я за Чети-Минеей, писанной краснорѣчивымъ перомъ святителя Димитрія. Подвиги мучениковъ рождали желаніе мученичества; явленія Господа и святыхъ возбуждали желаніе видѣть ихъ. Иногда подолгу молился я, чтобы удостоиться подобныхъ явленій. И въ дѣтскихъ снахъ являлись образы священные. Не вамъ ли, священныя минуты дѣтской молитвы, обязанъ я былъ тѣмъ, что во время юношескихъ лѣтъ, когда настаетъ пора развитія страстей, я живымъ религіознымъ чувствомъ огражденъ былъ отъ искушеній молодости? Я взятъ былъ отъ добраго (учителя и поставленный въ кругъ товарищей, которымъ чуждо было мое направленіе, ослабѣвалъ и самъ въ усердной молитвѣ. Но Провидѣніе бодрствовало надо мною. Вновь стало пробуждаться религіозное чувство. Частая молитва очищала душу“.

Въ 1832 году, двѣнадцати лѣтъ П. С-чъ поступилъ въ риторическій классъ Виѣанской семинаріи. Для двѣнадцати лѣтняго мальчика началась школьная жизнь суровая, полная лишеній, съ духомъ грубаго стараго бурсацизма, жизнь, которая на нѣжныя и впечатлительныя натуры дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ, оставляя навсегда въ душѣ горькій осадокъ. Этимъ объясняется, почему П. С-чъ въ своихъ воспоминаніяхъ въ мрачныхъ краскахъ изображаетъ семинарскую жизнь, не отмѣчая свѣтлыхъ сторонъ. Первые дни пребыванія въ семинаріи оставили въ П. С-чѣ тяжелыя впечатлѣнія. „Пріѣхавъ въ семинарію, пишетъ онъ, по обычаю я явился къ инспектору, который и назначилъ мнѣ для помѣщенія комнату. Взявъ подъ мышку тюфякъ свой, я пробираюсь чрезъ одну комнату, чтобы пройти въ назначенную мнѣ. Въ ширину всей комнаты, схватившись за руки, ходятъ взадъ и впередъ нѣсколько учениковъ. Я по неволѣ задѣлъ одного изъ нихъ тюфякомъ. „Что ты толкаешься? закричалъ онъ на меня. А ты, что не посторо-нишься, отвѣчалъ я. Какъ? раздалось со всѣхъ сторонъ, нашему брату такъ отвѣчать! Не успѣлъ я положить тюфякъ, какъ человекъ тридцать окружили меня съ вопро-сами: въ какое отдѣленіе поступаешь? какъ тебя зовутъ? изъ какого училища? Я отвѣчалъ дрожа весь и не пони-

мая ничего кому такъ, кому иначе, не зная совсѣмъ изъ за- чего такая буря. „Да мы тебя мальчишку сгноимъ на колѣнахъ, распечемъ, что небу будетъ жарко, исключимъ изъ семинаріи“. Но вотъ въ толпу ихъ входитъ одинъ мнѣ знакомый, успокоивъ нѣсколько пьяныхъ товарищей, подходитъ ко мнѣ. Я было протянулъ руку къ нему, чтобы по- здороваться: онъ не далъ своей руки. Послѣ я узналъ, что старыя риторы не подаютъ руки молодымъ, считая униже- ніемъ для себя. И когда чрезъ годъ одинъ изъ старыхъ риторовъ, самый слабый ученикъ, сталъ давать молодымъ руку, то они исключили его изъ своего общества, какъ от- верженнаго. Если бы я былъ знакомъ тогда съ индійской исторіею, то въ лицѣ ихъ увидѣлъ бы браминовъ, которыхъ оскверняетъ прикосновеніе насъ паріевъ, молодыхъ рито- ровъ. Но тогда мнѣ показалось страннымъ это. „Что ты на- дѣлалъ“, строго сказалъ онъ мнѣ. Я рассказалъ ему. „Да какъ же ты могъ сказать это старому ритору“. „Да вѣдь я тоже риторъ“, отвѣчалъ я. „Какъ тоже? вѣдь онъ старый риторъ. Теперь плохо тебѣ будетъ, всѣ они противъ тебя“. И послѣ этого объясненія я ничего не понималъ, но у меня родилось смутное представленіе, что старый риторъ есть что то особенное, высшее меня, до чего нельзя дотрогиваться, что можетъ меня сильно проучить. „Смотри же, прибавилъ онъ, будь почитителень, какъ спросятъ вставай, въ слухъ при нихъ не говори“. „Какъ же мнѣ узнать, кто старый и кто молодой риторъ?“ „Молодые всѣ сидятъ на кроватяхъ, а старыя ходятъ и громко говорятъ. Ну если ты по незна- нію сдѣлалъ это, такъ я попрошу ихъ, чтобы простили тебя“. А вины у меня много было предъ ними. Кромѣ того, что я толкнулъ одного и сказалъ ты, я не всталъ еще предъ ними, когда они окружили меня и стали ругать. Наконецъ одинъ изъ нихъ догадався, закричалъ на меня: какъ ты мальчишка смѣлъ сидѣть предъ нами, и стащилъ меня за руку съ кровати. Ходатайствовалъ ли за меня мой знако- мецъ и его ходатайство не принято, или не посмѣлъ заик- нуться предъ товарищами, но мнѣ не было облегченія. Одинъ за другимъ являлись старыя риторы ругать меня, указы- вали на меня пальцами, писали на бумажкахъ мое имя, прибавляя разные угрозы. Напрасно вскакивалъ, я предъ каждымъ изъ нихъ, вытягивалъ руки, плакалъ, ихъ злоба

на меня повидимому усиливалась. Три дня терпѣлъ я эти нападенія и наконецъ рѣшился было бѣжать изъ семинаріи домой и совсѣмъ уже не учиться; пускай родные пошлютъ меня куда хотятъ, только не въ семинарію.

Наконецъ открылись классы, распредѣлили насъ по комнатамъ окончательно, и гдѣ помѣстили меня, тамъ не было ни одного стараго ритора. Я вздохнулъ немного свободнѣе. Но за то начались классы и въ нихъ новыя пытки старыхъ риторовъ. Для каждаго урока у насъ назначалось два часа, мы собирались прямо по звонку, но наставникъ приходилъ чрезъ полчаса, а иногда позднѣе. Приходя въ классъ молодые риторы тотчасъ садились за парты, а между тѣмъ старые ходили по классу, кричали и шумѣли. Одинъ изъ нихъ имѣлъ обычай влѣзать съ ногами на столикъ, поставленный для профессора и пѣть какую нибудь циннически гадкую или смѣшную пѣсню, причитать, поднимая ноги, разныя прибаутки, пересыпая ихъ крѣпкими словами. Въ это время товарищи смотрятъ на молодыхъ риторовъ, ходя около партъ, не улыбнется ли кто нибудь, не положить ли руку на парту, Если что-нибудь подобное замѣтятъ, тотчасъ подбѣгаютъ съ вопросомъ о фамиліи, записываютъ и угрожаютъ внести въ журналъ. Въ каждомъ классѣ семинаріи избирался цензоръ, обыкновенно первый ученикъ, ему давался журналъ, въ которомъ онъ записывалъ, чѣмъ занимались въ классѣ, наставникъ подписывалъ и журналъ представлялъ ректору. Въ этомъ журналѣ была графа: всѣ ли въ классѣ и хорошо ли себя вели. Несчастливаго, который попадалъ въ послѣднюю графу съ неодобрительнымъ замѣчаніемъ, немедленно постигало наказаніе обыкновенно простоять классъ на колѣняхъ. Въ страхъ отъ подобной участи мы обыкновенно вытягивались предъ старыми риторами и просили прощенія. Мнѣ по крайней мѣрѣ и въ голову не приходило подумать: законно ли записать въ журналъ какъ дурно ведущаго себя въ классѣ челоуѣка за то, что онъ улыбнулся на дурачество стараго ритора, или за то, что положилъ руку на парту, или нагнулся, тогда какъ старые риторы прыгали, кричали, хохотали, ходили по классу. Разъ я не утерпѣлъ, чтобы не улыбнуться, но боясь старыхъ риторовъ закрылъ лицо платкомъ. Они подумали, что я плачу и мой знакомецъ подошелъ утѣшить меня, говоря: не плачь, тебя не запишемъ

въ журналъ“. Мнѣ пришлось сдѣлать кислую гримасу вмѣсто улыбки, чтобы подтвердить, что я точно собираюсь плакать. Великъ былъ нашъ страхъ предъ старыми риториками. Однажды всѣхъ старыхъ риториковъ потребовали на большой греческій классъ. По малому числу наставниковъ ученики богословскаго и философскаго класса собирались вмѣстѣ для обученія греческому языку, а риториковъ училъ лекторъ изъ учениковъ богословскаго класса. Тоже было при преподаваніи нѣмецкаго и французскаго языка. Старыхъ риториковъ вызывали на экзаменъ въ большой классъ греческаго языка, чтобы знающихъ лучше оставить съ учениками богословія и философіи, а слабыхъ съ молодыми риториками. Ушли всѣ, но остался одинъ вѣроятно потому, что ничего не зналъ по гречески, но вмѣстѣ ему хотѣлось поважничать предъ нами. Онъ заранѣе должно быть готовился къ этой роли и потому явился во фракѣ. Мы всѣ сидѣли смиренно, не смѣли шепнуть другъ съ другомъ, не пошелохнуться; онъ началъ расхаживать по классу, вынулъ карандашъ и четвертку бумаги и подходя то къ тому, то къ другому ученику. спрашивалъ фамилію, мѣсто рожденія, иногда лѣта и повидимому записывалъ все это; когда онъ спрашивалъ кого, предъ нимъ вставали, и потомъ онъ снисходительно говорилъ: садитесь. Подошелъ ко мнѣ. „Сколько вамъ лѣтъ? Вытянувшись въ струнку я отвѣчалъ: двѣнадцать. При этомъ словѣ вдругъ растворяется дверь и входитъ инспекторъ. Нашъ старый риторъ тотчасъ спрятался подъ парту и просидѣлъ тамъ смиренно, пока инспекторъ прошелъ по классу и осмотрѣлъ. Послѣ ухода инспектора нашъ старый риторъ вылезъ изъ подъ парты и продолжалъ разыгрывать прежнюю роль. Мы не смѣли подать и знака неуваженія къ нему. Черезъ годъ за неспособность исключили его изъ риторики.

„Хотя цензоръ былъ и старый риторъ, но не легко было ему брать на свою отвѣтственность записывать въ журналъ кого либо изъ шалуновъ риториковъ за нескромное поведеніе въ классѣ, когда старые риторики вели себя такъ безпорядочно. При томъ цензоръ былъ человѣкъ тихій. Но по настоянію товарищей онъ два раза записывалъ въ журналъ молодыхъ риториковъ и они простояли на колѣнахъ въ классѣ. Съ торжествомъ старые риторики указывали на нихъ и угро-

жали всѣмъ подобною участію. Какъ инспекторъ, не разобравъ дѣла и не разузнавъ всего, наложилъ на нихъ наказаніе,—этого я не знаю. По крайней мѣрѣ мы не знали никакой вины за наказанными, а только слышали, что будто они не совсѣмъ учтиво отвѣтили старому ритору. Старымъ риторамъ хотѣлось каждый классъ записывать по нѣскольку человѣкъ молодыхъ риторовъ въ журналъ, чтобы они испытали всю силу ихъ могущества, но цензоръ не соглашался на это. Находя его слишкомъ слабымъ, они отправились къ начальству просить новаго цензора. Не знаю, что и какъ они говорили и какъ имъ отвѣчали—это осталось для насъ молодыхъ секретнымъ. Мы узнали только изъ расправы профессора риторики ¹⁾. Приходить онъ въ классъ и заставляетъ моего знакома, стараго рителя читать басню Крылова „Лягушки просящія царя“. Когда тотъ прочиталъ, профессоръ спрашиваетъ: „нельзя ли приложить этой басни къ тебѣ?“ „Не знаю“, отвѣчалъ тотъ. Въ самомъ дѣлѣ, благосклонный читатель, нужно большое остроуміе, чтобы къ старымъ риторамъ, просившимъ новаго цензора, приложить басню Крылова о лягушкахъ. „Ты лягушка“ сказалъ профессоръ, ты ходилъ просить новаго цензора.“ „Ходилъ“, отвѣчалъ тотъ. Профессоръ далъ ему пощечину и въ слѣдъ за нимъ посыпались пощечины на всѣхъ сидѣвшихъ на первой партѣ, исключая цензора, и тотчасъ человѣкъ восемь старыхъ посланы были на послѣднюю парту. Не радость, а ужасъ объялъ сердца наши когда мы увидѣли, какъ расправляются со старыми рителями: что же будетъ съ нами молодыми? Скоро старые риторы возвращены были на прежнія мѣста и въ теченіе двухъ недѣль сидѣли на правой сторонѣ, не смѣшиваясь съ молодыми. Въ помощь прежнему цензору назначенъ былъ другой изъ молодыхъ риторовъ. Но силы и значенія онъ не имѣлъ; впрочемъ старые обходились съ нимъ ласково.

„Первое время старые риторы брали надъ нами перевѣсъ знаніемъ риторики и умѣнемъ сочинять хриі. Тогда какъ мы приучались только по циркумстанціямъ: quis? quid? cur? quomodo? quando? и повторяли вслѣдъ за Бургиемъ: *Honores mutant mores, honoribus saepe mores mutari, nihil, mirum est.* O!

---

¹⁾ Профессоромъ словесности былъ И. П. Соколовъ.

honores, quam saepe mores mutatis, потомъ учились писать періоды простые и сложные, начиная отъ причиннаго до раздѣлительнаго и условнаго, придумывали тропы и сочиняли фигуры, старые риторы писали хриі порядочныя, превращенныя перваго и втораго рода и автоніанскія. Помню съ какимъ торжествомъ глава и столпъ претензій стараго риторства Ирисовъ, прочитавъ хрию, въ заключеніи обыкновенно по примѣру Бургія говорилъ: itaque o juvenes и проч. и бросалъ самодовольный взглядъ на насъ молодыхъ, которымъ хриа казалась чѣмъ-то несказанно мудренымъ и непостижимымъ. Но свѣжесть и живость дарованій были на нашей сторонѣ. Нерѣдко случалось, что при переводѣ Цицерона или Плинія смыслъ затруднительныхъ мѣстъ мы скорѣе отгадывали, нежели старые риторы. Была еще наука—гражданская исторія, гдѣ я своими свѣдѣніями затмилъ всѣхъ старыхъ. Еще до поступленія въ семинарію мнѣ удалось много читать Роллена и исторію Карамзина. Болѣе интересные рассказы въ молодой памяти сохранились почти буквально. Это замѣтилъ профессоръ исторіи и сдѣлалъ меня аудиторомъ надъ старыми риторами. Такъ какъ профессоръ во время класса не могъ спросить всѣхъ, знаютъ ли они уроки, то назначались изъ лучшихъ учениковъ аудиторы, которые должны были прослушать до прихода профессора въ классъ подчиненныхъ имъ и отмѣтить степень знанія ихъ особой нотатѣ. Отмѣчали по латынѣ: знаетъ не все, не твердо, не знаетъ. Сами аудиторы также обязаны были давать отчетъ въ урокахъ. По классу риторики всѣ старые риторы слушались у старыхъ; изъ молодыхъ сдѣланы были аудиторами человекъ три и то надъ младшими, болѣе слабыми. Но по исторіи мнѣ подчинили самыхъ главныхъ ревнителей чести стараго риторства. Разумѣется я не смѣлъ ихъ спрашивать и писалъ въ нотатѣ объ каждомъ „знаетъ“ соглашаясь лучше подвергнуться наказанію отъ профессора за неправильный отзывъ, нежели спрашивать уроки у старыхъ риторовъ. Но имъ показалось оскорбительнымъ и то, какъ я могу рекомендовать ихъ. Однажды они подходятъ ко мнѣ и требуютъ, чтобы я записалъ ихъ всѣхъ незнающими. Я отвѣчалъ, что не смѣю. „Пиши, мальчишка, тебѣ велятъ. Мы за волосы тебя притащимъ къ нотатѣ и заставимъ писать“. „Ну, если хотите,

сказалъ я, пишите сами“. Они сами написали на себя „не знаетъ“, и это сдѣлали всѣ старые риторы, кромѣ цензора. Профессоръ исторіи имѣлъ привычку взявъ нотаты, которыя до его прихода клалісь на столикъ его, тотчасъ называть имена всѣхъ незнавшихъ урока, и они вставали и если дѣйствительно не знали урока, то должны были простоять и весь классъ. Приходитъ теперь профессоръ, беретъ нотаты и начинаетъ называть незнающихъ. Вся правая сторона встала столбомъ. „Что это значитъ?“ спрашиваетъ профессоръ. „Не хотимъ у мальчишекъ слушаться, отвѣчалъ Ирисовъ. „Сію минуту пошелъ слушаться, иначе сгною на колѣнахъ и буду жаловаться Ректору“. Ирисовъ струсиль и манить меня къ себѣ. „Ты ступай къ аудитору. Строже слушай его, говоритъ мнѣ профессоръ. Ирисовъ подошелъ ко мнѣ и сталъ въ полголоса читать; вслѣдъ за нимъ поплелись и другіе. Я не живъ, ни мертвъ стою, пока продолжалась эта комедія. „Ну что? знаютъ ли? спросилъ профессоръ меня. „Знаютъ хорошо, отвѣтилъ я. Но на самомъ дѣлѣ я не слыхалъ и не понималъ, что они читали. Такъ эта выходка не удалась старымъ. Лишь только ушелъ профессоръ изъ класса, Ирисовъ придумалъ другую мѣру „Давайте, братцы, отаскаемъ хорошенько за волосы аудитора, чтобы онъ, мальчишка не забывался“. И дѣйствительно отправляется ко мнѣ и протягиваетъ таскать меня за волосы. Я вскочилъ съ своего мѣста, бросился отъ него за парты, а онъ за мною. Я закричалъ: Ирисовъ! „Какъ, расвирыбѣвъ, закричалъ онъ, меня называть Ирисовымъ?“ Нужно было звать его по имени и отчеству, хотя онъ самъ меня звалъ только по фамиліи. „Да я убью тебя на мѣстѣ“. Прочіе товарищи едва удержали его. И такъ какъ онъ былъ болѣе вспыльчивъ, чѣмъ золь, то болѣе съ его стороны попытокъ колотить меня я не видалъ. Къ концу трети мы уже помирились и позволяли себѣ и говорить вслухъ и облокачиваться на парту и посмѣяться, но никогда не осмѣливались вмѣстѣ съ старыми ходить по классу до профессора. Но мнѣ суждено было еще получить за старыхъ риторовъ пощечину, единственную въ теченіе всего семинарскаго курса. Былъ экзаменъ предъ Рождествомъ. Оба отдѣленія риторики были собраны въ одной залѣ. Я прижавшись къ партѣ стоялъ, дожидаясь, когда меня спросятъ. Одинъ изъ

товарищей началъ мнѣ жаловаться на какую то обиду отъ старыхъ риторовъ. Я на его слова сказалъ: „да всѣ старые риторы свиньи“. Я и не видалъ, что позади меня стоялъ одинъ старый риторъ, правда изъ самыхъ послѣднихъ и не задорныхъ. „Что жъ? такъ и я свинья?“ сказалъ онъ. „Если подвернулись, отвѣчалъ я, зачѣмъ же исключать“. Прошли святки; являюсь къ инспектору. Онъ говоритъ мнѣ: „товарищи на васъ жалуются, что вы ихъ обижаете“. „Я не обижалъ никого изъ товарищей“. „Но С. жаловался мнѣ, что вы называли его свиньей.“ „Это не товарищъ, а старый риторъ“. „А развѣ старый риторъ не товарищъ“, возразилъ инспекторъ. „Какой же онъ товарищъ? онъ старый риторъ“. Я рассказалъ, какъ случилось, что я назвалъ С. свиньей. Сдѣлавъ мнѣ порядочное вразумленіе, инспекторъ отпустилъ меня. Я думалъ, что дѣло тѣмъ и кончилось. Въ первый классъ риторики профессоръ велѣлъ мнѣ написать письмо къ другу не помню о чемъ. Я написалъ и прочиталъ ему. „Ты хорошо пишешь, но скверно себя ведешь“, и полновѣсная пощечина раздалась на моей щекѣ. „Что я сдѣлалъ? сказалъ я со слезами. „Ты обидѣлъ своихъ товарищей“. „А почему же имъ-то можно обижать насъ и ихъ не наказываете“. „Не твое дѣло, отвѣчалъ онъ. Хотѣлось мнѣ сказать, что не твое дѣло разбирать кто поругается и давать пощечины, а твое дѣло учить риторикѣ, но опасеніе горшей участи удержало отъ дальнѣйшихъ возраженій. Къ году кромѣ цензора, который остался первымъ, всѣ почти первыя мѣста заняты были молодыми рриторами. Много убавилось спѣси у старыхъ, но отчужденіе ихъ отъ молодыхъ осталось до конца курса. Правда нѣкоторые изъ старыхъ домогались сближенія съ иными изъ молодыхъ, но такого, которое хуже самой заклятой вражды. Казалось невозможнымъ, чтобы когда нибудь старые риторы сдѣлались равными намъ. Но перевели насъ въ философскій классъ, смотримъ старые риторы протягиваютъ намъ руки и слитіе патрициевъ и плебеевъ въ одинъ народъ совершилось безъ удаленія на Авентинскую гору. Этотъ народъ названъ философами. Старыхъ философовъ не было ни одного. Въ риторикѣ въ каждомъ отдѣленіи оставлено было только по шести человекъ. Они хотѣли поважничать, но цензоры сдѣланы были изъ молодыхъ рриторовъ и старыхъ было такъ

мало, что поневолѣ они должны были слиться съ молодыми. Такъ кончились въ нашей семинаріи старые риторы. Изъ пятидесяти человѣкъ, бывшихъ страшилищами нашими при поступленіи въ риторику, едва ли пять шесть человѣкъ кончили курсъ богословія въ первомъ разрядѣ. Человѣкъ двадцать были исключены за малоуспѣшность и худое поведеніе. Сколько осталось васъ въ живыхъ мои товарищи, старые риторы? Знаю, что сошелъ уже съ земнаго поприща Ирисовъ, вашъ столпъ, не оставивъ слѣда, кромѣ какъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Откликнитесь живые на мой голосъ и расскажите то, что я не досказалъ. Вашъ типъ, ваша личность также должны быть безсмертны, какъ личность послѣдняго Новика ¹⁾.”

Приведенныя нами воспоминанія П. С—ча интересны не потому только, что живо рисуютъ современную ему семинарскую среду, но и потому, что знакомятъ насъ съ нравственнымъ его характеромъ въ юные его годы. Болѣзненный и робкій отъ природы, запуганный и забитый и домашнимъ суровымъ воспитаніемъ и грубымъ школьнымъ бытомъ, онъ всегда обнаруживалъ твердость нравственнаго чувства правды. Въ этомъ отношеніи среда его не заѣла и во всю жизнь свою онъ не обнаруживалъ склонности принаравливаться къ окружающимъ людямъ и не усвоилъ правила житейскаго благоразумія плыть по теченію вѣтра.

Умственное развитіе П. С—ча въ семинаріи, по его словамъ, совершалось довольно медленно. „Только въ половинѣ курса философскаго пробудилось у меня сознательное мышленіе“, пишетъ П. С—чъ. „Писалъ я сочиненіе и напрягалъ свое мышленіе, чтобы обсудить данный предметъ, чувствую вдругъ, точно что освѣтило мою голову и я сталъ писать ясно, сознавая его“. П. С—чъ мало былъ подготовленъ къ семинарской наукѣ, но и наука эта, очень скудная содержаніемъ, помогала умственному развитію, когда воспол-

¹⁾ Въ бумагахъ П. С—ча сохранились стихи про старыхъ риторовъ, сочиненные молодыми:

Въ кабакъ еще съ прошлаго лѣта
 Старые ригора
 Заложили Мурета.
 Давно выкупить пора
 Старые ригора.

нялась даровитымъ преподаваніемъ. Умственное развитіе приобрѣталось не изученіемъ школьной науки, а болѣе самостоятельнымъ трудомъ. Старую семинарскую школу можно похвалить за то, что она, не обременяя умъ ученика множествомъ знаній, давала широкій просторъ его умственной самодѣятельности. Этой самодѣятельности, да привычкѣ къ труду, которую развивала школа, воспитанники семинаріи обязаны были своимъ развитіемъ. Чему и какъ учили въ семинаріи интересныя свѣдѣнія обо этомъ сообщаетъ П. С-чъ въ своихъ воспоминавіяхъ. „Въ риторикѣ начали насъ учить сочинять по риторикѣ Бургія, заимствуя въ дополненіе примѣры изъ риторики Лежая. Профессоръ, приходя въ классъ, переводилъ правила изъ риторики Бургія на русскій языкъ, объяснялъ ихъ нѣсколько, и къ слѣдующему классу заставлялъ по латинской книгѣ выучить прочитанное. Такимъ образомъ русской словесности учили насъ на латинскомъ языкѣ. Изученіе риторики Бургія постоянно сопровождалось собственными нашими упражненіями, которыя задавались и на домъ. Впродолженіи одного года, начавъ періодами, мы дошли до силлогизмовъ. Нельзя сказать, чтобы даже лучшіе изъ учениковъ риторики сознательно усвоили себѣ эти формы изложенія. Намъ помогали корректоры. Въ нашей семинаріи былъ обычай, чтобы каждый поступающій въ риторикѣ, поручаемъ былъ кому либо изъ лучшихъ учениковъ богословія или философіи. Онъ принималъ на себя обязанность объяснять уроки непонятые въ классѣ, наблюдать за исправнымъ приготовленіемъ ихъ, помогать въ сочиненіяхъ, исправлять ихъ. Но такъ какъ внимательное исполненіе подобныхъ обязанностей требовали много времени, то дѣло большею частію ограничивалось тѣмъ, что корректоры исправляли только или даже совершенно писали сочиненія. Какъ внимательный корректоръ могъ развитъ способности самаго слабаго ученика, такъ нерадивые пріучали къ совершенной лѣности. Ученики уже сами и не писали сочиненій, а все ихъ корректоры. Потому для хорошаго ученика на второмъ году ученія въ риторикѣ считалось стыдомъ ходить къ корректору. Выборъ корректоровъ и порученіе имъ мальчиковъ зависѣло отъ родителей. Начальство семинаріи не принимало тутъ никакого участія и какъ будто не знало объ этомъ. Корректоръ былъ вмѣстѣ надзирателемъ пове-

денія вѣрннанаго ему ученика. За это онъ получалъ вознагражденіе отъ родителей, если не былъ родственникомъ порученному. Въ первый же годъ учили насъ и стихи сочинять. Первые мои стихи были въ честь Державина. Какъ теперь помню заключительные стихи:

Позволь и мнѣ тебя прославить,
Вплести цвѣтокъ тебѣ въ вѣнецъ
И каплю славы хотъ прибавить.
Позволь безсмертныхъ одъ творцу,
Да я хотъ тѣнь твоихъ даровъ
Пріобрѣту отъ сихъ трудовъ.

Но увы! не исполнились мои первыя надежды. Ни тѣни даровъ Державина не пріобрѣлъ я отъ сихъ трудовъ. Одинъ знакомый предложилъ мнѣ вопросъ: отчего это изъ всякаго званія выходятъ поэты, только нѣтъ ихъ изъ духовнаго званія? Дарованія поэтическія являются и въ семинаристахъ, но онѣ подавляются долбленіемъ уроковъ, сочиненіями на темы не дающія пищи ни чувству, ни воображенію, той однообразной средой, въ которой проходитъ жизнь семинариста, тѣми нуждами и лишеніями, которымъ онъ подверженъ, однимъ словомъ всею прозою его жизни. Если прибавить къ этому, что знакомство съ поэтами, даже первоклассными, не только затруднительно, но и преслѣдуется какъ вредное для нравственности, то нечему дивиться, если изъ духовныхъ не является поэтовъ. Пишутъ стихи только по заказу. Нѣтъ предметовъ вблизи способныхъ вдохновлять; поэтическій талантъ проявляется сатирами на начальство, а это грозитъ исключеніемъ изъ семинаріи. Помню одного изъ семинаристовъ, у котораго собрано было книги двѣ его стиховъ; были тутъ и драмы и трагедіи и оды и баллады. Что случилось съ нимъ и его стихотвореніями, не знаю. Вѣроятно подавленный житейскими заботами о пропитаніи себя и семейства, обязанностями по службѣ священнической онъ забылъ о своихъ стихахъ, какъ грѣхахъ своей юности. Конечно начальство стало бы одобрять духовныя стихотворенія, но для того, чтобы писать ихъ, нужна и зрѣлость мысли и духовная опытность. А этого требовать никто не станетъ отъ юношей. Итакъ намъ поневолѣ остается писать сначала хрип, силлогизмы, или изображенія благодарныхъ чувствъ въ видѣ фигуры, а потомъ перейти къ дис-

сертациямъ и проповѣдямъ то на латинскомъ, то на русскомъ языкѣ. Проповѣди впрочемъ всѣ писались по русски. На другой годъ ученія въ риторикѣ къ намъ опредѣлень былъ новый профессоръ ¹⁾. Онъ бросилъ риторикѣ Бургія и старался болѣе практически учить насъ сочиненіямъ. вмѣсто прозаиковъ онъ переводилъ съ нами поэтовъ Горация и Виргилія, заставлялъ насъ учить стихи латинскіе и русскіе. Между прочимъ приказывалъ въ то время, какъ мы собирались въ классѣ, до его прихода переводить стихами Горация de arte poetica. Можно заранѣе угодать, что выходило изъ этого перевода, когда мы серьезно начнемъ читать:

Когдабъ къ двѣицѣ рыбій хвостъ приставить.

Онъ шутилъ надъ нашими переводами, но позволялъ стихами писать и разсужденія съ цѣлію выработать языкъ нашъ. Разъ онъ даже самъ написалъ стихи и далъ ихъ одному мальчику, какъ будто сочиненные имъ самимъ прочитать въ классѣ. Это были стихи на святки:

Настало Рождество

Для нашей братьи торжество.

Пусть кто хочетъ добываетъ горбомъ

А мы добудемъ и горломъ.

Гдѣ пропоемъ кондакъ

Намъ даютъ пятакъ

И мы не говоримъ, что не такъ.

Нерѣдко призывалъ онъ лучшихъ учениковъ къ себѣ, поилъ чаемъ и толковалъ о дѣлѣ, давалъ книги и вообще хотѣлъ насъ сдѣлать развязнѣе. Большую часть одъ Горация онъ зналъ наизусть. Разъ на экзаменѣ онъ что то представилъ изъ піитики о лирическомъ безпорядкѣ. Высшій экзаменаторъ сказалъ ему: да ты не научи ихъ безпорядку въ жизни. Кромѣ словесности мы учились еще въ классѣ риторики исторіи гражданской и учебникомъ у насъ была книга Шрека. Еще учились греческому языку, и одни французскому, а другіе нѣмецкому языку. Я учился нѣмецкому и въ два года выучился порядочно переводить съ нѣмецкаго на русскій. Разговору на живыхъ языкахъ и переводу съ русскаго на нихъ насъ не пріучали. Былъ классъ

¹⁾ Павелъ Степановичъ Ляпидевскій Скопч. въ санѣ протоіерея Скорб., что на Ордынкѣ церкви въ 1891 г.

еще чтенія священнаго Писанія, но не помню, чему насъ тутъ учили. Онъ былъ только разъ въ недѣлю. По гречески переводили христоматию, составленную изъ выбранныхъ мѣстъ изъ писаній отцевъ церкви.

Философскія науки сначала казались для меня непонятными. У насъ читали логику, онтологію, естественное богословіе, умственную психологію, часть космологіи, нравственную философію и исторію системъ философскихъ. Отвлеченныя понятія логическія и онтологическія какъ-то смутно проносились въ молодой головѣ. Но богословіе, психологію, нравственную философію и исторію системъ философскихъ слушалъ понимая и, хотя не многое, усвоилъ. Профессоръ руководствовался главнымъ образомъ записками профессора философіи въ Московской духовной академіи Голубинскаго¹⁾. Въ двадцатыхъ годахъ читалъ Голубинскій свои лекціи по метафизикѣ. Основаніемъ философіи было ученіе объ идеи безконечнаго, какъ основномъ началѣ нашей духовно-нравственной дѣятельности, розлагающейся въ сознаніи нашемъ въ идею истины, добра и красоты. Эта идея, по его ученію, не есть какое нибудь неопредѣленное чаяніе, но настолько сознательное представленіе, что хотя разумъ и можетъ заблуждаться, отыскивая безконечное, но всегда можетъ узнать свою ошибку, ибо носитъ въ себѣ черты этаго безконечнаго. Ученіе Голубинскаго объ идеѣ безконечнаго напоминало Платоново ученіе и излагалось почти словами Поррета. Во всей системѣ его вѣялъ мистическій духъ. Молодые умы легко увлекались этою системою, дружно съ откровеніемъ и говорящею сердцу и воображенію. Для нравственной философіи служилъ руководствомъ Геллертъ и въ ученіи о свободѣ книга Сень-Мартена о заблужденіи и истинѣ. Профессоръ, ученикъ Голубинскаго, вынесъ отъ него уваженіе къ труженикамъ мысли и цѣнилъ самое исканіе истины, хотя бы оно не приводило къ самой истинѣ, видѣлъ въ различныхъ мнѣніяхъ древнихъ философовъ отдѣльныя лучи той истины, которая вполнѣ явилась въ откровеніи. Профессоръ читалъ намъ лекціи, какъ читаютъ въ университетахъ и академіяхъ, что Ректору не нравилось.

---

¹⁾ Профессоромъ философіи въ Виенской семинаріи былъ родной братъ П. С-ча А. С. Невскій.

Повтореніемъ онъ занимался только предъ экзаменами. Читалъ онъ по русски, но для повтореній уроки даваемы были по латыни. Упражненія въ сочиненіяхъ шли непрерывно рядомъ съ лекціями. Кромѣ философіи учили насъ физико-математическимъ наукамъ. Строилъ я геометрическія фигуры, но не понималъ этой науки. По физикѣ дѣлалъ при помощи купороса и цинка какой то газъ, прожегъ себѣ новенькій сюртукъ-суконной—только и осталось отъ всего ученія въ памяти.

Въ классѣ богословскомъ Ректоръ ¹⁾ долженъ былъ читать намъ общее богословіе, догматическое, нравственное, герменевтику, гомилетiku и полемическое богословіе. Разумѣется онъ не успѣвалъ всего прочесть. Часть полемическаго богословія онъ излагалъ въ общемъ богословіи, герменевтику отчасти замѣнилъ практическимъ упражненіемъ въ толкованіи Священнаго Писанія, заставлялъ насъ поочередно объяснять въ классѣ и назначилъ письменно излагать объясненіе цѣлыхъ главъ изъ Писанія, для чего въ руководство давалъ намъ толковники. Также гомилетiku замѣнялъ практическимъ упражненіемъ въ сочиненіи проповѣдей, которыя иногда разбиралъ въ классѣ. Читалъ онъ лекціи просто и понятно и объяснялъ уроки на латинскомъ языкѣ. Но иногда его объясненія были наивны. Опровергая магометанство, онъ на примѣръ говорилъ намъ: вотъ, говорятъ, свинья похотлива. Магометъ-то похотливѣе ея; вотъ сколько женъ-то завелъ. Рассказывая еще о мусульманскомъ преданіи, что у Магомета луна была въ рукахъ, онъ возразилъ: луна не калачъ, въ рукавъ не запрячешь. Однажды читая слова апостола Павла о томъ, что женщины должны съ покрытою головою ходить въ церковь, а мужчины съ открытой, онъ вдругъ дѣлаетъ мнѣ вопросъ: а почему мы-то ходимъ въ церковь съ покрытою головою? Я сталъ въ тупикъ. „Мы невѣсты Христовы, сказалъ онъ. Я едва не фыркнулъ, такъ мало имя невѣсты шло къ этой высокой, черной фигурѣ, глаза которой горѣли какимъ то грознымъ огнемъ и въ волосахъ которой уже серебрятся сѣдины. Любилъ этотъ Ректоръ, чтобы твердо учили уроки. А я, усвоивъ содержаніе лекціи, почти никогда не выучивалъ ихъ

¹⁾ Ректоромъ семинаріи былъ архимандритъ Агапихъ Введенскій.

наизусть. Потому когда бывало спросить меня Ректоръ, я обыкновенно отвѣчалъ нетвердо. Нужно было читать по латини, а буквы я не изучилъ и потому приходилось мысль тутъ же облекать въ латинскую фразу, а записнымъ латинистомъ я никогда не былъ. Онъ потерялъ уже вѣру въ то, могу ли я учить уроки. Тѣмъ болѣе, что при переходѣ въ богословскій классъ на публичномъ экзаменѣ я тоже не твердо отвѣтилъ. Тогда то Ректоръ сказалъ мнѣ: „что ты плохо отвѣчалъ? Чай, скажешь, оробѣлъ, — не такіе глаза, чтобы робѣть; не выучилъ уроку, мошенникъ“. Опасеніе подобной исторіи при окончаніи курса заставило меня выдолбить буква въ букву назначенное къ публичному экзамену. Наканунѣ его Ректоръ собралъ насъ, чтобы сдѣлать въ родѣ репетиціи, и спросилъ тутъ меня. Я ему четвертокъ восемь латинскихъ уроковъ прочиталъ какъ „помилуй мя Боже.“ „Ты ли это? Ушамъ своимъ не вѣрю. Хорошо“. Такъ я утѣшилъ его на прощаньи. Но всетаки онъ не записалъ меня первымъ за то, что уроковъ не училъ.

„Церковную и библейскую исторію читалъ намъ инспекторъ ¹⁾. Дѣломъ своимъ онъ занимался внимательно, но не имѣлъ дара объясняться свободно. Онъ любилъ намъ предлагать вопросы и возраженія, самъ охотно выслушивалъ возраженія и рѣшалъ. Мы пользовались этимъ, чтобы мѣшать повторенію, когда онъ назначалъ его много, особенно трудной для заучиванія на память библейской исторіи. И бывало весь классъ съ нимъ проспоришь. При медленности его рѣчи и не очень скоромъ соображеніи весь классъ проходилъ въ разрѣшеніи нашихъ возраженій. Наконецъ онъ узналъ нашу продѣлку, и въ наказаніе заставлялъ насъ же письменнo излагать рѣшеніе вопросовъ, возбужденныхъ нами, и мы стали поскромнѣе. Въ богословіи также продолжали учиться греческому языку, но вмѣсто французскаго и нѣмецкаго учились еврейскому языку. Немного было занимавшихся имъ. При слабости моего зрѣнія чтеніе точекъ замѣняющихъ въ еврейскомъ гласныя, всегда было затруднительно. Притомъ не успѣли мы еще хорошо познакомиться съ грамматикою, какъ насъ заставляли переводить и притомъ стиховъ по 25, 30 во время класса. При помощи какого-нибудь

¹⁾ Инспекторомъ былъ іеромонахъ Антоній Смолинъ.

словаря и переводовъ латинскихъ и нѣмецкихъ приготовлялись къ классу бѣгло, и потому я, не смотря на постоянное хожденіе въ классъ и приготовленіе къ нему, мало узналъ этотъ языкъ въ два года.“

„Вотъ и вся мудрость, которой научился я въ семинаріи. Положительныхъ познаній я не много вынесъ. Конечно догматы вѣры я зналъ, могъ разсуждать объ нихъ, но исторію церкви христіанской зналъ мало. Философія почти вся улетѣла изъ головы. По латыни могъ писать и читать безъ затрудненія. По гречески, будучи на богословскомъ курсѣ лекторомъ этого языка у риторовъ, познакомился съ грамматиками Бюрнюфа и Попова. По нѣмецки могъ читать книги, но только при помощи лексикона. Писать я научился живо и свободно. Мысль была довольно развита, Чтеніе аскетическихъ сочиненій и духовныхъ книгъ, изданныхъ въ Россіи во второмъ и третьемъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка, дали отчасти мистическое направленіе моимъ мыслямъ; развилась потребность самонаблюденія и въ проповѣдяхъ пытался я нерѣдко высказывать свои опыты. Но знанія людей, знанія жизни я не имѣлъ никакого. Я готовился въ академію и потому не думалъ о необходимости приобрѣтенія этого знанія. Нельзя сказать, чтобы я любилъ науку. Я учился, былъ всегда въ числѣ первыхъ, но не по любви, а потому что должно учиться, готовился къ переходу въ академію не потому, чтобы желалъ расширить кругъ своихъ познаній, но потому что объ академіи мнѣ съ юныхъ лѣтъ говорили какъ о дорогѣ, которую я долженъ былъ пройти. При окончаніи семинарскаго курса меня увлекала болѣе область нравственной жизни, чувства религіознаго“,

Замѣчательно, что П. С—чь сохранилъ въ семинаріи свѣжесть нравственнаго религіознаго чувства, хотя семинарская жизнь не благопріятствовала развитію этого чувства. Изъ своей школьной жизни П. С—чь вынесъ убѣжденіе, что семинарія не способствовала нравственному развитію своихъ питомцевъ, что развитіе это совершалось независимо отъ школьнаго вліянія. „Если сохранились въ комъ нибудь изъ насъ залогои добра, пишетъ онъ, если выщелъ изъ воспитанниковъ нашей семинаріи какой нибудь добрый священникъ, то единственно обязанъ онъ первоначальному воспитанію, молитвамъ родителей, дѣйствию благодати и

урокамъ жизни, а не попеченію начальства“. По словамъ П. С—ча жизнь въ семинарскомъ обществѣ, гдѣ немногіе нравственно испорченные ученики вносили заразу въ нравы многихъ, могла научать болѣе дурному, чѣмъ хорошему. „Я былъ въ числѣ лучшихъ учениковъ, но сколько недобраго закралось въ юное сердце. О сколькомъ худомъ узнать! Съ четырнадцатаго до шестнадцатаго года жизни я дѣлался хуже и хуже по душѣ“. Къ счастью для П. С—ча грубая семинарская среда, въ которой грубыя порочныя склонности цѣнились какъ школьная добродѣтель, подѣйствовала на него, какъ нерѣдко она дѣйствуетъ на юношей съ нѣжною душою, горячимъ и живымъ религіознымъ чувствомъ. Она оттолкнула его отъ окружающей дѣйствительности, сосредоточила на своемъ внутреннемъ мірѣ и развила склонность къ религіозному мистицизму. Мистическое направленіе, отличавшее П. С—ча еще съ дѣтства, во время семинарской жизни развилось еще сильнѣе, не смотря на грубоватый реализмъ этой жизни. „Стремленіе къ чистотѣ помысловъ, желаніе проникнуться пламенною любовію къ Богу, сладость молитвы—вотъ мечты моей юности“, Чтеніе аскетическихъ твореній болѣе увлекало П. С—ча, чѣмъ изученіе науки. „Живо написанная религіозная книга мнѣ нравилась несравненно болѣе, чѣмъ ученая; простоять въ храмѣ во время богослуженія мнѣ было въ тысячу разъ пріятнѣе, нежели просидѣть въ классѣ слушая занимательную лекцію. Изложеніе опытовъ духовной жизни меня увлекало болѣе, нежели глубокое изложеніе догматовъ или вопросы науки“. Своимъ душевнымъ настроеніемъ П. С—чъ рѣзко выдѣлялся изъ круга своихъ товарищей. По словамъ одного изъ товарищей П. С—ча, жившаго съ нимъ въ одной комнатѣ, онъ велъ себя отшельникомъ и товарищи думали, что онъ пойдетъ въ монахи. Изъ товарищей П. С—чъ сблизился съ однимъ, В. Грозовымъ, который былъ пылкой, мечтательный юноша, глубоко проникнутый религіознымъ чувствомъ, который искалъ иногда подвергнуться незаслуженному наказанію, чтобы перенести его ради Христа. Одинаковая душевная настроенность сблизила П. С—ча съ Грозовымъ. П. С—чъ такъ описываетъ эту дружбу: „случай сблизилъ меня съ незабвеннымъ Вячеславомъ, Ему было пятнадцать, мнѣ семнадцать лѣтъ. Не одно старшинство лѣтъ, но, ежели

можно такъ сказать, и большая опытность дѣлала меня руководителемъ его. Мечтательный, пылкій и вмѣстѣ робкій и застѣнчивый, онъ самаго начала искалъ сближенія со мною и вмѣстѣ боялся высказать это. Я ласкалъ его и впечатлительный юноша всею силою привязался ко мнѣ. Это была не простая дружба, но то, что у дѣтей называютъ обожаніемъ. Онъ обожалъ меня. Онъ считалъ за счастье мой ласковый взглядъ, привѣтливое слово. Думалъ, что я унижаю себя, приношу самую величайшую жертву, оказывая ему свое сердечное расположеніе. Вотъ что писалъ онъ, когда мы должны были разлучиться. „Пришло наконецъ время горестной разлуки. Такъ угодно Богу. Прежде всего скажу вамъ; я не могу надивиться, если когда нибудь былъ любимъ вами. Я не знаю, что заставило васъ принять во мнѣ участіе. Но не могу не чувствовать того, чего стоило вамъ это расположеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ до гроба останутся въ моемъ воспоминаніи тѣ мирныя минуты моей жизни, которыя я провелъ съ вами. Да! Вамъ многого стоило продолжить столько времени свое расположеніе ко мнѣ при всеї худости моего характера. Вамъ нужно было забывать свое достоинство любя меня. Вы возложили на себя этотъ крестъ, чтобы исправить мой характеръ, приблизить меня къ Богу. Не буду говорить, сколько вы успѣли въ этомъ. Но теперъ выскажу, что я часто старался казаться хуже, чтобы вы, видя меня чело-вѣкомъ дурнымъ, не любили меня; ибо я недостойнъ этой любви. Но вы простили мои пустыя слова, и все для того, чтобы выучить меня любить Бога. Цѣль высокая! Трудъ великій! За такое самопожертвованіе я остаюсь вѣчнымъ должникомъ вашимъ, слугою и невольникомъ. Берите меня въ орудіе для какихъ угодно вамъ цѣлей, и повѣрьте буду послушливъ до гроба. Кромѣ того я даю вамъ непреложный обѣтъ до гроба вспоминать васъ въ ежедневныхъ своихъ молитвахъ. Запечатлѣваю это клятвою Богу, могущему наказать меня за неисполненіе обѣта. Но Боже мой! всего этого недостаточно. За одну минуту того наслажденія, какое я испытывалъ при вашемъ дружескомъ привѣтѣ, я долженъ бы платить жизнью. Скажите, что кромѣ этого можетъ быть для васъ цѣннымъ, наложите на меня, что будетъ угодно. Прости любезный, дорогой другъ! Горько, горько мнѣ разставаться съ тобою (извините, что я говорю вамъ: ты). Ты

можешь забыть меня, но я никогда не забуду тебя. Съ тѣмъ же чувствомъ я пребуду до гроба. Дай Богъ, чтобы ты имѣлъ успѣхъ во всемъ и въ дѣлѣ спасенія, о семъ молю Бога и не престану молить“.

„Ты угадывалъ нѣсколько, добрый Вячеславъ, характеръ моей привязанности. Эта безграничная любовь, это безпрекословное повиновеніе моимъ словамъ, это стремленіе изъ любви ко мнѣ идти по тому же пути, по какому я шелъ, въ моемъ сознаніи налагали на меня обязанность управлять его поступками. Но совѣта и подкрѣпленія себя я не могъ ждать отъ него. Ему и въ голову не могла придти мысль, что я могу сдѣлать что нибудь худо, или что онъ можетъ подать мнѣ совѣтъ. Между тѣмъ онъ часто опережалъ меня своимъ горячимъ чувствомъ. Мы имѣли обычай по утрамъ, когда всѣ спали, вставать и молиться. Почти всегда случалось, что онъ прежде меня вставалъ, помолится и потомъ разбудить и меня, и мы станемъ молиться. Не по его винѣ, но по разнымъ обстоятельствамъ случалось ему подвергаться наказанію отъ начальства. Я училъ его благодушію и онъ даже съ радостію переносилъ незаслуженное наказаніе; я мысленно также желалъ незаслуженнаго наказанія, но меня не ругали а хвалили. А когда случилось мнѣ однажды слышать недобрый отзывъ о себѣ, я потерялъ все спокойствіе дня на два. И тутъ только узналъ, сколько Вячеславъ лучше меня. Удаляясь въ садъ съ книгою, куда-либо далѣе отъ людей, мы часто проливали слезы и молили Бога о помилованіи. Прошло это время, потухло это горячее чувство. Но никогда въ жизни моей не было мнѣ такъ отрадно, такъ сладко и покойно, какъ въ это время. И зачѣмъ Господь не взялъ меня тогда же съ земли? Зачѣмъ вмѣстѣ съ Вячеславомъ не перешелъ я въ другую лучшую жизнь“.

Любопытно знать, какіе интересы облизали молодыхъ семинаристовъ. Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ писемъ Грозова, которыя онъ писалъ къ П. С. по переходѣ его въ Академію. Въ это время друзья вели частую переписку. Письма В. Грозова къ П. С. раскрываютъ намъ духовный міръ семинариста сороковыхъ годахъ необычнаго типа.

„Нынѣ меня такъ сладостно оглашали звуки церковныхъ пѣсней, что онѣ подобно чудодѣйственнымъ звукамъ Давид-

довыхъ гуслей,—онѣ однѣ только могли утишить бурю души моей. Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ! Представь теперь, другъ мой, какъ все благопріятствуетъ моему размышленію о церкви, о ея священнѣхъ пѣсняхъ и молитвахъ. Было ровно двѣнадцать. Вокругъ меня глухая полночь. Такъ погаснетъ жизнь моя, думалъ я, смотря на этотъ блѣдный, тусклый свѣтъ нагорѣвшей свѣчи! Нѣтъ! я не сниму съ нея нагорѣвшей свѣтильни, пока не оставлю своей могильной мечты. Человѣкъ, для котораго меркнетъ надежда, тускнетъ лучъ радости, гаснетъ юная веселая жизнь, не этого ли человѣка изображаетъ эта тусклая, блѣдная свѣча? А эта глубокая, премудрая полночь! Что говоритъ она душѣ? Чу! храпѣніе соннаго! Тайнственная полночь усыпила его отъ дневныхъ трудовъ. Онъ покоится. Что же мѣшаетъ мнѣ наслаждаться тѣмъ же покоемъ? Нѣтъ! видно природа дала намъ не одинаковыя чувства. Ему дневной свѣтъ и буйную хлопотливую жизнь. Но во мнѣ создала другія чувства. Вотъ полночь, я въ ней вижу живое изображеніе смерти. Она питаетъ душу мою черными думами. Она мнѣ говоритъ: не пускайся въ море суетливой жизни, оно задушитъ тебя въ своихъ жгучихъ волнахъ. Вспомни, что самую жизнь ты получилъ въ минуту глубокой ночи. Что роднѣе и ближе къ тебѣ, кромѣ меня? Мнѣ кажется, что человѣкъ всегда видитъ въ природѣ, въ ея то мрачныхъ, то свѣтлыхъ явленіяхъ тайны христіанской религіи. Для меня тѣсно соединяются полночь и гробъ Спасителя. Сюда, сюда! въ священную минуту полночи повергаюсь я мысленно, со всѣми надеждами и желаніями. Гробъ Спасителя—какой глубокой урокъ для христіанъ! Иисусе! дай помнить смерть, носить всегда въ сердцѣ Твое небесное имя“.

Однажды П. С.—чу пришлось быть при постриженіи въ монахи. Его поразилъ этотъ обрядъ и онъ написалъ объ этомъ своему другу. Въ отвѣтъ ему В. Грозовъ писалъ: „да! онъ простился съ міромъ, онъ монахъ, онъ со Христомъ! Его не устраситъ могильный звукъ погребальнаго обряда. Онъ позналъ Христа, бросилъ для Него міръ, онъ простился на вѣки съ своимъ кровомъ, и умеръ ради Христа. Святая душа! Она постигла тайну своего бытія; она подъ символомъ своего чернаго платья соединилась съ вѣчною жизнію. Ты любишь этотъ санъ и я люблю. Но я еще знаю,

другъ, состояніе въ жизни: это любимое произведеніе моей мечты, безъ сомнѣнія, растворенной предчувствіемъ сердца. Я тебѣ выскажу свои желанія, но больше никому. Ужасный гробъ мірской славы, счастья, дружества, любви, родной пріютъ преступниковъ, сырая душная подземная келья, гдѣ царствуетъ вѣчная одинокая полночь! (?) Ахъ хоть бы нарочно сдѣлалъ что нибудь такое, чтобы удостоиться жить тамъ безъ всякой надежды избавленія, съ часу на часъ ждать тамъ ангела смерти. Страшно тамъ? Но повѣрь, другъ мой, міръ еще хуже. Мы свыклись съ нимъ, потому онъ и кажется намъ веселымъ, раздольемъ жизни. Но если бы мы свыклись съ этой темницей, то навѣрно не оставили бы ее. Милліоны людей съ разными душами, не съ одними чувствами, перекрещиваются своими страстями, вѣчно борются, дрожать, томятся, вѣчно безпокойны! Страшное море зла! Счастливъ тотъ, кому природа отказала въ тонкомъ, живомъ, сознательномъ чувствѣ. Ему ничего; онъ какъ чурка въ этой пучинѣ. Онъ устоитъ противъ несчастій. Но хрупкая душа какъ разъ сдѣлается добычею зла. Я знаю по опыту: ахъ какъ тяжело! Есть въ человѣкѣ такія чувства, которыя онъ ни другу, ни брату, никому не откроетъ. Онъ постоянно носитъ въ душѣ своей, и по временамъ украдкой вынимаетъ ихъ оттуда по одной каплѣ и смѣшиваетъ съ своими слезами. Я заплакалъ надъ этими словами. Пусть этимъ кончится моя мысль. Чувствую, что я не все, высказалъ тебѣ, что хотѣлось. Но самое состояніе, въ которомъ я нахожусь, не позволяетъ мнѣ далѣе продолжать письма. Припомни, другъ мой, надгробную пѣснь: „житейское море“ и „плачу и рыдаю“, и ты сольешься съ моимъ чувствомъ“.

Какое сильное религиозное чувство видно въ этихъ письмахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какой мрачный для 16-ти лѣтняго юноши взглядъ на жизнь! В. Грозовъ такъ сильно любилъ, обожалъ, если можно такъ выразиться, П. С., что себя ставилъ несравненно ниже его и всѣ свои успѣхи, свои добрыя качества приписывалъ своему другу.

„На твои скорби, писалъ Грозовъ П. С.—чу, я кажется, весьма удачно буду отвѣчать своими. Я не стану говорить, что въ тебѣ умираетъ ветхій человѣкъ, ибо я вѣрю тебѣ, я скажу тебѣ только то, что надъ тобою мало дѣйствуетъ моя

молитва, тогда какъ дѣйствіе твоей молитвы я вполнѣ ощущаю надъ собою. Вотъ моя великая скорбь! Эхъ, другъ мой,—какъ я не хорошъ, а ты меня любишь, ты обо мнѣ молишься. Долго я тебя обременялъ своими скорбями, ты же, другъ мой, жалѣя меня наставлялъ меня, и что всего болѣе, еще любишь какъ друга. О! какъ ты высокъ. Я благоговѣю предъ тобою. Я болѣе нежели люблю тебя. Слушай же, что я тебѣ скажу, чѣмъ на первый разъ пораду. Именно это радость не моя, но собственно твоя. Мнѣ самъ Богъ внушаетъ, что это плодъ твоей молитвы за меня. молитвы такой, которой и одна минута дороже цѣлой вѣчности моей души. Тебѣ извѣстно было, какъ отзывался о моихъ сочиненіяхъ Н. Ивановичъ. По сдачѣ оказалось, что у него ни одного моего разсужденія не вышло хорошаго. Я долго терзался, думая, что я совсѣмъ потерялъ тотъ талантъ, за который такъ усердно хвалилъ меня А. Сергѣевичъ и который я такъ же получилъ отъ Бога. Теперь совсѣмъ иное съ твоими молитвами. Въ понедѣльникъ на этой недѣлѣ о. ректоръ пришелъ въ классъ пресердитый, поднималъ меня пречасто, задавалъ возраженія и говорилъ: хорошо. Потомъ по окончаніи класса началъ сдавать разсужденія. Первое М. П—ва. Худо! дурно! бурсацкое! Второе Д. К—скаго. Недостаточно и не къ дѣлу. Далѣе В. Грозова. Такъ у меня и стукнуло сердце. Что будетъ, жду. Ректоръ сначала долго задумался надъ моимъ разсужденіемъ, поворочалъ его. Я увидѣлъ что многія страницы на поляхъ отчеркнуты. Такъ и думалъ, что онъ сошлетъ меня въ реторику, какъ это у насъ частенько случается. Ректоръ закричалъ, не то чтобы просто сказалъ: „Грозовъ? весьма хорошо, прекрасно, прекрасно. Мысли такія глубокія, какихъ я еще не видывалъ въ ученикахъ богословія и какихъ едва ли можно ожидать отъ настоящаго курса“. Онъ сталъ расточать мнѣ похвалы. Я безъ сомнѣнія долженъ былъ краснѣть. На отчеркнутыхъ страницахъ я увидѣлъ: *valde bene!* *valde bene!* *profunde!* и прочая изъ этого рода. И уже сколько шуму надѣлало это, такъ и Богъ знаетъ. Семинарія начала на меня различныя хулы возносить, и наши первые призадумались. Къ тому же бѣда какая. Ректоръ въ правленіи сказалъ, что у меня лучше всѣхъ теперь пишетъ и можетъ писать Грозовъ. Все правленіе взбударажилось. Ин-

спекторъ прямо сказалъ, что это дѣло Академіи. Вотъ бѣда какая! А я написалъ то ехромты. Не говори никому, что я тебѣ это открылъ. А то меня разорвутъ. А не открыть тебѣ этого не могъ, потому что я твердо увѣренъ, что это плодъ твоей молитвы“.

Въ другомъ письмѣ Грозовъ писалъ: „отчего это, другъ мой, какъ скоро начнешь приходиться въ самого себя, какъ скоро задашь себѣ вопросъ—кто я? зачѣмъ я живу здѣсь?—начнешь скучать и горько-горько тужить. Зачѣмъ ты открылъ мнѣ глаза? Зачѣмъ зажегъ мое чувство? Я смотрю на другихъ и спрашиваю самага себя: почему они не такъ чувствуютъ, какъ я? почему они болѣе сходны другъ съ другомъ, чѣмъ со мною? Спрашиваю теперь тебя. Понималъ ли ты меня тогда, когда опутывалъ меня сѣтями своихъ совершенствъ? Думалъ ли ты, что сроднясь съ душою, тебѣ нужно будетъ выносить бури ея, нужно будетъ самому цѣлую половину огня принять въ грудь свою? Чу! ударили ко всенощной. Священный голосъ пробудилъ меня и мое сердце заняли другія чувства. Допишу послѣ всенощной“.

„Прости меня, другъ мой, я не устоялъ противъ искушенія. Думалъ, что приду послѣ всенощной и напишу тебѣ что нибудь подѣльнѣе. Но что со мною дѣлается? Я теперь такъ расстроенъ какъ еще никогда не былъ. Суди самъ, мой дорогой тихій и незлобивый другъ. Приходитъ послѣ всенощной сеніоръ А. И. В. и начинаетъ меня вслухъ всей комнаты ругать, зачѣмъ я строго держу комнату. Повѣришь ли, цѣлый часъ битый я долженъ былъ выдержать самую мучительную пытку. Злой духъ постоянно нашептывалъ мнѣ, чтобы за такую глупость вспылить на него самымъ отчаяннымъ образомъ. Но воспоминаніе о томъ, что у меня есть другъ, меня удерживало. Я стоялъ предъ нимъ какъ вкопанный и наперекоръ своей природной гордости ничего не говорилъ ему противнаго. Не знаю, кажется только два или три въ это время колкія слова вырвались у меня. Онъ хотѣлъ отнести къ о. ректору. Да, другъ мой, ты и твоя молитва мой ангелъ хранитель. Я тебя отсель не люблю, а благоговѣю предъ тобою. Ты выше любви моей. Прости моеи низости. Боже мой! Боже мой! буди милостивъ мнѣ грѣшному“.

Тѣсная дружба съ такимъ мечтательнымъ, мистически

настроеннымъ юношей питала и усиливала въ П. С. его мистическое направленіе. Но свѣтлый умъ П. С.—ча предохранилъ его отъ крайней степени мечтательности, до которой дошелъ его другъ. Эта юношеская дружба оставила неизгладимое впечатлѣніе въ душѣ П. С. Въ своихъ запискахъ П. С. пишетъ: „прошло не мало лѣтъ послѣ смерти Вячеслава (онъ умеръ вскорѣ по окончаніи семинарскаго курса). Но какъ часто среди постигавшихъ меня скорбей и искушеній я съ грустію вспоминаю, что нѣтъ подлѣ меня дружескаго сердца. Некому передать свои думы, не съ кѣмъ раздѣлить свою грусть, нѣтъ у меня вѣрнаго друга, подлѣ сердца котораго я могъ бы успокоиться отъ тяжкихъ тревогъ душевныхъ, отъ мучительныхъ потерь сердечныхъ. Одинъ вынося на себѣ всѣ многообразныя скорби, я можетъ быть и научился быть тверже и поскорѣе предаваться волѣ Божіей. Но мое сердце было бы можетъ-быть мягче, если бы я имѣлъ подлѣ себя сердце друга. Эта холодная твердость, это недовѣріе къ людямъ, этотъ мрачный взглядъ на жизнь, отъ которой не ждешь никакой радости, можетъ быть не были бы въ моемъ отъ природы мягкомъ, любящемъ характерѣ“.

Въ 1838 году П. С. окончилъ курсъ въ семинаріи вторымъ студентомъ и былъ назначенъ къ поступленію въ академію. Переходъ въ академію для П. С.—ча не составлялъ такой важной эпохи въ жизни, какою онъ составляетъ для большинства студентовъ семинаріи. Академія нѣсколько была знакома П. С.—чу. Онъ учился вблизи академіи, часто ходилъ въ академію къ своимъ братьямъ студентамъ, былъ знакомъ съ академическимъ бытомъ и зналъ наставниковъ академіи. Въ академію П. С. поступилъ не по влеченію къ наукѣ, а потому, какъ онъ самъ говоритъ, что объ академіи мнѣ съ юныхъ лѣтъ говорили какъ о дорогѣ, которую я долженъ пройти П. С. поступилъ въ академію въ то время, когда въ ней профессорскія кѣдры занимали такіе видные представители нашей духовной науки, каковыми были Филаретъ Гумилевскій, вступленіе котораго на должность ректора П. С. считалъ новою эпохою для академіи. Ѳ. А. Голубинскій, А. В. Горскій, П. С. Делицынъ. Къ сожалѣнію П. С. не оставилъ записокъ о своей академической жизни и мы не можемъ сказать, какое вліяніе профессора академіи имѣли на умственное его развитіе и какъ вообще

совершалось это развитіе. Два, три академическихъ сочиненія, оставшихся послѣ П. С—ча, да нѣкоторыя выписки его изъ учебныхъ руководствъ могутъ дать намъ слабое понятіе объ умственномъ направленіи П. С—ча въ бытность его въ академіи. Сочиненія философскія, писанныя П. С—чемъ въ началѣ академическаго курса, показываютъ въ молодомъ студентѣ способность къ всестороннему изслѣдованію предмета, логическому построенію понятій: но оригинальности мало встрѣчаемъ; мысль заключена въ предѣлахъ семинарской науки. Что особенно обращаетъ вниманіе въ сочиненіяхъ П. С—ча—такъ это сильное религиозное чувство, которое одинаково проявлялось какъ въ жизни его, такъ и въ умственныхъ трудахъ. На сочиненіи: „какъ изъяснить то, почему христіанскіе поэты вводятъ въ свои творенія дѣйствующими языческихъ боговъ и извинительно ли это употребленіе для христіанскихъ поэтовъ?“ рецензентъ написалъ: „сочиненіе сіе заслуживаетъ похвалы потому особенно, что одушевлено благочестивымъ христіанскимъ чувствомъ“. Судя по выпискамъ, какія дѣлалъ П. С. изъ учебныхъ руководствъ, видно, что онъ былъ усердный и трудолюбивый студентъ. Онъ особенно занимался философіей. Философія въ 40-хъ годахъ была однимъ изъ главныхъ предметовъ образованія въ нашихъ духовныхъ школахъ, Въ бытность П. С. въ академіи Ѳ. А. Голубинскій исключительно занимался чтеніемъ исторіи системъ философскихъ, преимущественно древнихъ. Исторія системъ философскихъ проходила въ академіи подробно, съ критикою мнѣній различныхъ философовъ. Наставникъ, хотя преимущественно занимался изученіемъ древней философій, но знакомилъ своихъ слушателей и съ современными произведеніями философской мысли. Въ запискахъ П. С. находимъ лекціи Шеллинга изъ философій откровенія. При изученіи исторіи философій студенты преимущественно руководствовались Теннеманомъ и Шубертомъ. На второмъ курсѣ П. С. также ревностно занимался изученіемъ богословія. Послѣ него остались записки по догматическому богословію; которое читалъ ректоръ Поликарпъ, выписки изъ Бержьера, Беллярмина. Лекціями преемника Филарета по кафедрѣ догматическаго богословія П. С. былъ недоволенъ. По его словамъ, новый профессоръ былъ „многopлодущъ, трудолюбивъ, но слишкомъ мелокъ; онъ обходилъ важные вопросы,

не могъ никогда возбудить вниманія, расшевелить любознательности, кромѣ нестерпимой скуки мы ничего не выносили изъ его классовъ“. П. С. особенно изучалъ Августина, какъ показываютъ его выписки изъ *Retractationes*. Преподаваніе церковной исторіи въ академіи въ 40-хъ годахъ было поднято благодаря А. В. Горскому. Студенты познакомились съ отцомъ новѣйшей церковной исторіи Неандеромъ. Въ студенческихъ записяхъ П. С.—ча находимъ выписки изъ Неандера. Академическая жизнь не оказала особеннаго вліянія на характеръ и направленіе П. С. Въ академіи онъ оставался такимъ же мечтательнымъ юношею, какимъ былъ и въ семинаріи. Одинъ изъ его товарищей дѣлаетъ объ немъ такой отзывъ: „общее сохранилось объ немъ понятіе, какъ объ аскетѣ, выходящемъ изъ обыкновеннаго круга. Но аскетизмъ его объясняли по-юношески фанатизмомъ. Особенно любили посмѣяться надъ его фанатизмомъ Аничковъ и Д. Левитскій. Всѣ мы готовили его въ мысляхъ къ монашеству, но не уготовили. Онъ во всю жизнь любилъ монаховъ, но самъ не сдѣлался монахомъ. Въ бесѣдахъ былъ всегда разговорчивъ, но въ студенческихъ выходкахъ не участвовалъ. Всегда являлся съ новостями, особенно чрезъ брата (Платона), и былъ душою разговоровъ и даже споровъ. Не обижался, когда смѣялись надъ его аскетизмомъ. Не боялись его, хотя онъ имѣлъ брата исправлявшаго должность инспектора, а говорили смѣло и о самомъ братѣ, съ надеждою, что соръ за студенческой порогъ не вынесетъ“.

П. С. не имѣлъ друзей въ академіи. „Я любилъ, пишетъ онъ, быть одинъ. Тогда мнѣ казалось, что міръ духовъ виталъ около меня и въ своей душѣ я слышалъ какъ будто ихъ внушенія. Въ лунную ночь любилъ я устремлять свой взоръ къ звѣздному небу. Тамъ, мнилось мнѣ, я ощущалъ небожителей; что-то таинственное влекло меня къ этому звѣздному міру, какъ къ вожделѣнной отчизнѣ. Страненъ я былъ для своихъ товарищей. Дики и странны были для меня ихъ рѣчи. Я затыкалъ уши, клалъ въ ротъ камень, чтобы не слышать ихъ, не говорить съ ними. Всего слаще было для меня посѣщать древній храмъ съ его мрачными сводами. Тамъ, особенно когда мало было народу, любилъ я изливаться въ слезахъ предъ Господомъ. И тихо и мирно становилось на душѣ послѣ горячей молитвы. Въ кругу

своихъ товарищей и кромѣ семейства родныхъ я не былъ знакомъ ни съ кѣмъ. Я бѣгалъ всякаго новаго лица, съ которымъ гдѣ-либо встрѣчался. Не читая ни романовъ, ни повѣстей, я не имѣлъ о жизни въ свѣтѣ никакого понятія“.

Въ первый годъ своей жизни въ академіи П. С. велъ дѣятельную переписку съ своимъ прежнимъ семинарскимъ другомъ В. Грозовымъ. Письма къ Грозову ярко рисуютъ намъ душевное настроеніе студента. О чемъ писалъ молодой студентъ своему другу? О тѣхъ ли удовольствіяхъ, которыя онъ испытывалъ въ кругу своихъ товарищей, о своихъ ли научныхъ занятіяхъ? Нѣтъ, мысль его витала въ иномъ мірѣ. Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ писемъ П. С. къ Грозову. Услышавъ о болѣзни друга П. С. писалъ ему: „Мнѣ горько слышать твою болѣзнь и скорбь. Но не желай видѣть въ своей болѣзни оставленіе Божіе. Аще Господь не наказуетъ насъ, сыны прелюбодѣйничи есмы. Конечно, тебѣ трудно заняться внутреннимъ усовершенствованіемъ и молитвою. Но если ты сносишь болѣзнь съ терпѣніемъ, то непримѣтно для тебя самага внутри будетъ совершаться очищеніе ветхаго человѣка“. Въ другомъ письмѣ писалъ: „Что сказать тебѣ страдальцу въ утѣшеніе? То ли, что страсти настоящаго вѣка недостойны славы хотящей открыться въ будущемъ или что многими скорбями подобаетъ внити въ царствіе Божіе, или то, что самъ Христосъ страдалъ и намъ оставилъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его—все это да улаживаетъ болѣзнь твою; помни, что пострадавый плотію преста отъ грѣха. Смирись подъ крѣпкую руку Божію; скорбію и жалобами не перемѣнишь Его воли, но говори съ покорностію и преданностію: да будетъ воля святая. Слава Тебѣ, Боже, за все. Переселишь ли меня по ту сторону гроба, да будетъ опять воля Твоя, дашь ли мнѣ опять здравіе, да будетъ опять воля Твоя. Познай любовь къ тебѣ Господа въ самомъ посѣщеніи болѣзнію. Мысли постоянно о Иисусѣ, произноси Его святое имя. Да будетъ у тебя постоянно и въ устахъ и въ сердцѣ сія молитва: *Господи Іисусе Сыне Божій помилуй меня грѣшнаго*. Да будетъ Іисусъ твоею надеждою и утѣшеніемъ. Читай чаще канонъ и акаѳистъ Сладчайшему, также молебный канонъ Богоматери: *многими содержимъ напастьми и пр.* Тогда миръ, превосходящій всякій умъ, водворится въ тебѣ. Ахъ! Другъ,

другъ! какъ мы далеки отъ Христа, какъ пусто мое бѣдное сердце! Было ли что въ немъ доброе? съ недоумѣніемъ я спрашиваю себя, и нѣтъ отвѣта утѣшительнаго. Не было ли то, что я думалъ почестъ въ себѣ за добро, одно обольщеніе? И теперь еще не отвыкъ отъ внѣшней молитвы. Нерѣдко хожу въ церковь, но не рѣшаюсь на самоотверженіе, хочу служить Богу находясь въ дружбѣ съ міромъ. Что будетъ со мною грѣшнымъ? Блаженны тѣ, которымъ оставлены грѣхи и которымъ беззаконія не воспомянутся. Да будетъ Господь съ тобою всегда, любезный другъ мой, Ему поручаю тебя и Его благодатному слову, могущему назидать тебя болѣе и дать тебѣ наслѣдіе со всѣми освященными“.

„Сладче меда каждое слово падало на душу мою, дорогіе звуки міра высшаго, въ которомъ ты живешь, своимъ духомъ отзываются въ твоихъ словахъ. Другъ! възгрѣвай даръ данный тебѣ отъ Бога, не утушай его! Суета все! О еслибы всегда живо было въ насъ это чувство суеты! Я не могу тебѣ много говорить, мои слова лепетъ ребенка предъ тобою. Какъ легко читать, мыслить высшее міра! Зачѣмъ ледяными оковами привязываютъ насъ къ нему? А *житейское море* моя любимая пѣсня; люблю пѣть и слушать погребальныя пѣсни, но страшусь смерти, какъ не готовый и желаю отсрочки этого грознаго часа“.

П. С.—ча въ бытность его въ академіи сильно увлекало монашество. Къ другу своему онъ писалъ: „Нынѣ у насъ новый инокъ Ювеналій, прежде бывшій Иванъ Семеновичъ Знаменскій. Какъ торжественно должно быть это время принятія ангельскаго чина? Съ вечера, безмолвный съ слезами давалъ онъ прощальное лобзаніе каждому изъ насъ. Какъ будто въ послѣдній разъ онъ видитъ міръ и людей живущихъ въ немъ. Торжественно было то мгновеніе, когда, какъ бы въ погребальномъ шествіи, подъ покровомъ чужихъ мантий съ бѣлыми свѣчами веденъ онъ былъ на средину церкви. При трогательномъ до глубины души проникающемъ пѣніи: Господи помилуй — облеченъ былъ въ новаго человѣка. О! да благословитъ его Господь Иисусъ, съ которымъ онъ теперь соединился чрезъ причащеніе“. По рассказамъ лицъ, знавшихъ П. С. студентомъ, онъ каждый день ходилъ въ церковь, любилъ часто причащаться св.

Таинъ, ревностно и строго соблюдалъ посты. Онъ не могъ равнодушно видѣть нарушеніе поста другими. Когда въ постные дни его товарищи пили молоко, то онъ отнималъ его и выливалъ. Впослѣдствіи болѣе широкія и снисходительныя воззрѣнія смягчили его строгій ригоризмъ, въ правилахъ котораго онъ воспитывался своими старшими братьями, но подъ вліяніемъ православнаго направленія академіи религіозное чувство, любовь къ церкви и ея установленіямъ сохранились въ немъ до конца жизни.

Замѣчательную черту въ П. С-чѣ за время его студенчества, представляетъ отношеніе его къ родному брату Платону, бывшему въ то время бакалавромъ въ академіи. Старшему брату П. С-чѣ оказывалъ повиновеніе, свойственное отцу. Старшій братъ по праву старшинства обращался съ П. С-чемъ, студентомъ академіи, какъ съ мальчикомъ. Случалось, что онъ ставилъ П. С-ча у себя въ комнатѣ на колѣна, разсердившись на какія нибудь его правдивыя, но неосторожныя слова. Платонъ по утрамъ поилъ П. С-ча чаемъ, соединяя это чаепитіе съ такими наставленіями младшему брату, которыя причиняли сильное огорченіе впечатлительному юношѣ. Опасеніе такихъ вразумленій заставляло П. С-ча иногда не ходить къ брату по утрамъ и оставаться безъ чая. Былъ такой случай. П. С-чѣ въ день своего Ангела (25 Ноября) имѣлъ обычай причащаться св. Таинъ. Разъ опоздавъ въ этотъ день къ чаю въ обычное время, онъ, изъ боязни получить выговоръ отъ Платона въ день вдвойнѣ для него радостный, не пошелъ къ нему и остался безъ чая, о чемъ не безъ грусти повѣдалъ своей матери жившей въ то время на квартирѣ въ Сергіевомъ посадѣ.

Протоіерей А. Бѣляевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
